

11 МАЙ 1962

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
г. Москва

Писатель за рабочим столом

ПРИЗНАНИЕ

К Савве Дангулову я пришел не домой, а в редакцию журнала «Советская литература», где он является главным редактором.

Мы сидим в его кабинете, прохладном и полупустом. В углу массивный книжный шкаф, справа — стол, ряд стульев — вот, пожалуй, и все убранство. Хозяин кабинета — плотный, сдержанный человек, но за этой сдержанностью чувствуется сильный, деятельный характер.

У меня есть одно наболение, и, чтобы проверить его, спрашиваю:

— Савва Артемьевич, не правда ли, вам как писателю люди непосредственного действия, такие, как Литвинов, Коллонтай, ближе по духу, чем люди, склонные к углубленному самоанализу, как, например, Чичерин?

Он подходит к шкафу и достает черный томик. «Заутреня в Рапалло», читаю я на корешке.

— Эта книга вышла только что. В сущности почти вся она о Чичерине. — Дангулов улыбается. — Образ Георгия Васильевича Чичерина постоянно привлекает меня. Сейчас работаю над романом, который предполагаю назвать «Трое — 1919-й», и один из главных героев — Чичерин...

Книги Саввы Дангулова «Пятнадцать дорог на Эгль», «Дипломаты», «Кузнецкий мост» и другие известны многим. Популярны фильмы и пьесы,

поставленные по мотивам его книг. Но живое, непосредственное общение с читателями — это особый талант, и Савва Артемьевич несомненно им владеет.

Присущие ему в деловом разговоре сдержанность и внешняя скупость исчезают, едва он начинает говорить о прообразах своих героев — людях, чьим фронтом в тяжелые для Родины дни была дипломатическая работа, говорить о поисках и находках — документах, письмах Ленина, Горького, Чичерина. В этом я убедился на следующий день, когда приехал на читательскую конференцию. Ну, а пока слушаю Савву Артемьевича.

—...В Швеции побывал во множестве семей, с которыми поддерживала отношения Коллонтай, — ведь она вела обширнейшую переписку! Мне удалось получить копии более чем ста ее писем. А подлинники почти все семьи хранят в банках, как сокровища! Я говорю об этом потому, что в основе каждой моей книги — обширнейший документальный материал, но не люблю вводить в ткань повествования подлинники документы, — замечает он. — Мне думается, это несколько упрощает задачу писателя. Ее я вижу в другом — в переосмыслении документального материала...

— А как все начиналось?

— Как начиналось?.. Мне не было и двадцати,

когда стал сотрудничать в различных газетах Кубани и Северного Кавказа. Первой значительной публикацией стала серия очерков о создании Гизельдонской ГЭС, о которых позже тепло отзывался Глеб Максимилианович Кржижановский — строительство на Гизельдоне было его любимым детищем.

...Первые пятилетки. Время, когда в кратчайшие сроки строились не только заводы, но складывались человеческие судьбы. В начале тридцатых годов, после службы в армии, молодой журналист попадает на работу в Центр беспосадочных советских перелетов. А начиная с 1936 года, его корреспонденции и очерки о перелетах постоянно появляются на страницах «Красной звезды».

— Принято говорить: «Писатель нашел тему». В моей судьбе наоборот: тема нашла автора. В 1940 году меня пригласили на работу в отдел печати Наркоминдела. Вот тогда-то я и попал на «Кузнецкий мост», воочию увидел будущих героев моих книг. Не скрою, что мысль о том, насколько интересно состояние мира в дипломатической теме, пришла мне именно тогда...

Но через год началась Великая Отечественная. И сразу едва ли не половина Наркоминдела разбежалась по фронтам. Ушел на фронт и я. Был военкором «Красной звезды»

на Западном, Калининском, Южном фронтах. Вновь меня отозвали в распоряжение Наркоминдела весной 1943 года.

После Сталинграда корпус инкор в Москве стал особенно многочисленным и представительным. Здесь были автор книги «Россия в войне 1941 — 1945» Александр Верт, известный публицист Ральф Паркер, Джером Девич, бывший корреспондентом в России еще в первую мировую войну и лично знавший Ленина.

Вместе с ними, как рассказывает писатель, ему приходилось бывать в блокадном Ленинграде, Корсуні, Севастополе, Лссах — так складывалось в сознании то, что он теперь называет «дипломатический аспект войны», понятие, легшее в основу его трехтомного романа «Кузнецкий мост»...

Беседа продолжается. В ее ходе выясняется, что отношение писателя к проблемам искусства и к людям в искусстве столь же пристально, как и к прообразам своих литературных героев.

И лучшее свидетельство тому — книга «Художники», вышедшая недавно в издательстве «Советский писатель». Ее составляют эссе о выдающихся современниках, среди которых Шолохов, Чукковский, Мухина, Щусев.

Наша беседа подходит к концу. Я прощаюсь с гостеприимным хозяином и выхожу в звонкий весенний день. Доносятся ребячий голоса, и я вспоминаю слова Дангулова: «Очень хочу написать о детстве».

Вл. ЕРЕМЕНКО.